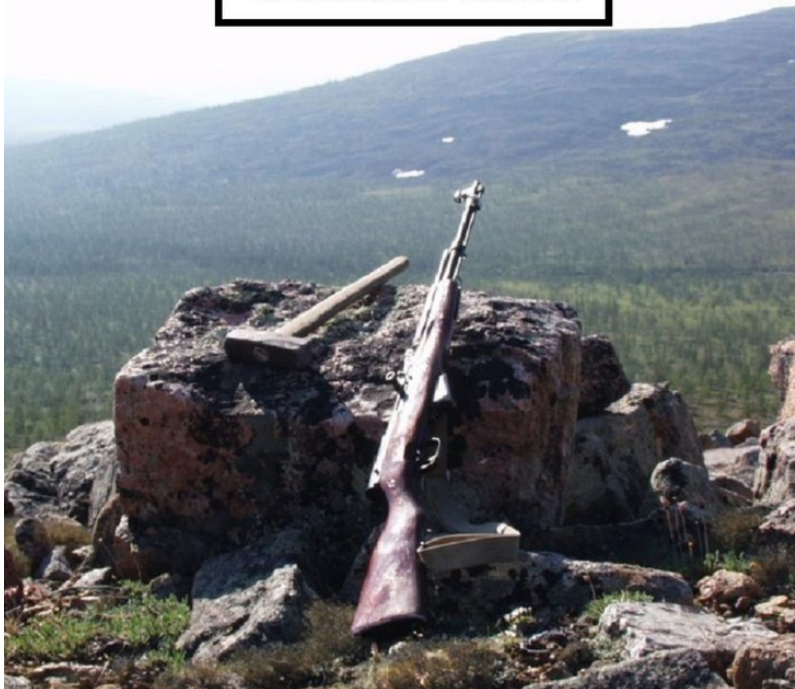

АНАТОЛИЙ МУЗИС

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис
От собственного
корреспондента. Из
рассказов геолога

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44073116
ISBN 9785005037480*

Аннотация

Рядом с начальником экспедиции стояла молодая женщина. Она была одета как туристка, и клетчатая рубашка-ковбойка оставляла открытыми ее руки и шею, что немедленно использовали комары и мошка. Она отмахивалась от них, и ее светлые вьющиеся волосы вздрагивали смешно, словно куцые косички. Женщина смотрела на меня. Но еще прежде, чем я разглядел ее, я увидел, что из вертолета выгружают спальный мешок и рюкзак, новый, поблескивающий желтыми поскрипывающими ремнями. «К нам», – подумал я и не ошибся.

От собственного корреспондента Из рассказов геолога

Анатолий Музис

Геолог, редактор, составитель Виктор Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-0050-3748-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чернобаев еще не выключил двигатель и лопасти вертолета гнали навстречу нам тучи песка и пыли, как дверца уже открылась и, поддерживаемый чьей-то рукой, Кириллов высадился на «нашу» землю. Я опасался, что уж на этот раз его ворчанию не будет предела. Но старик выглядел весьма довольным.

– Нишего. Бывает, – сказал он. Ему, видимо, льстило, что ради него прислали такую важную машину и что о нем проявили столько заботы и беспокойства. Он выглядел совсем не больным и усталым, а скорее бодрым и веселым.

– Анатолий Иосифович! – позвал меня Потапов. Я пере-

дал каюра с рук на руки Спиркину и Александре Михайловне и снова вернулся к вертолету. Рядом с начальником экспедиции стояла молодая женщина. Она была одета как туристка – в зауженные коричневые брюки, отглаженные и заправленные в чешские ботинки на рифленой подошве. Клетчатая рубашка-ковбойка оставляла открытыми ее руки и шею, что немедленно использовали комары и мошка. Она отмахивалась от них рукой и при этом ее светлые вьющиеся волосы, разделенные на две пряди, вздрагивали смешно, словно куцые косички. Женщина выжидательно смотрела на меня. Но еще прежде, чем я разглядел ее, я увидел, что из вертолета выгружают вещи: спальный мешок и рюкзак, объемистый, новый, поблескивающий желтыми поскрипывающими ремнями.

– «К нам», – подумал я и не ошибся.

– Познакомьтесь, – сказал Потапов. – Представитель местной прессы. Если не возражаете, она пройдет с вами до Леприндо, а там мы ее у вас заберем...

Женщина протянула мне руку и, стараясь вложить в свое рукопожатие твердость мужчины, представилась:

– Светлана Наташа.

– Музис, – коротко ответил я.

В тот момент я думал не столько о корреспонденте, сколько о ее вещах. Они составляли по крайней мере выюк, а оленей у нас не хватало, не даром же я в предыдущий прилет Чернобаева отправил с ним все не очень нужное имущество.

Да и с продуктами у нас было не очень...

– Вы не рады моему приезду? – спросила она серьезно и с какой-то грустью.

– Нет, отчего, – ответил я. – Вот только ваши вещи. Уж из-за них-то у меня будет разговор с Илларионом Петровичем.

Она улыбнулась.

– Это ваш каютер?

– Да.

– Ничего, – сказал Потапов. – Здесь недалеко... Скажите ему, что о нем будет заметка от собственного корреспондента.

И стал прощаться.

И снова стена песка и пыли отгородила нас от реки и неба. Вертолет боком, боком, словно хотел свалиться в воду, снялся с отмели, взмыл кверху и через несколько минут затерялся за вершинами деревьев. А мы остались, окруженные со всех сторон тайгой и горами. Лишь доказательством того, что вертолет действительно только что был здесь, на нашем берегу стояли Илларион Петрович и Наташа Светланова.

– Ну, что ж, – сказал я и поднял ее тяжелый рюкзак. Новенькие ремни при этом закрипели как зубная боль.

В этот вечер я, против обыкновения, не задержался у костра. После необходимых мер по благоустройству Наташи, я уклонился от ее расспросов и ушел к себе в палатку. Первоначально я действительно хотел подробно и добросовестно рассказать Наташе обо всем, что ее интересовало, но по-

том, вдруг, почувствовал, что смертельно устал. Это было поистине удивительное ощущение. Казалось бы с прибытием на этот берег Иллариона Петровича тяжесть, давившая меня последние четыре дня, должна исчезнуть. Но получилось наоборот: усталость навалилась на меня как могильная плита. Я был не в силах справиться с ней и поэтому извинился и, сказав, что завтра с утра маршрут, пошел спать.

Но и заснуть я не мог. Я лежал с закрытыми глазами и видел перед собой Наташу. Вот она осторожно, чтобы не запачкать модные брюки, садится на бревно, вот поправляет перевязанные бечевкой косички, вот что-то записывает, низко нагнув блокнот, чтобы на него падал свет от костра. «Кто она?» – думал я. – Зачем приехала сюда? Что знает о нашей работе, что напишет о ней? Ведь каждая статья – это не только изложение увиденного, но и мировоззрение автора, его опыт, совет, которому должны следовать тысячи людей. Есть ли у нее такой опыт или она поделится с читателями только личными впечатлениями? А кому интересны личные впечатления Наташи Светлановой?».

Но к утру мне даже было неловко перед Наташей за мою быть может невольную грубость.

– Извините меня, – сказал я ей за завтраком, – вчера мне было немного не по себе. Но сегодня я готов ответить на все Ваши вопросы.

Она сразу заулыбалась и полезла в полевую сумку за карандашом и блокнотом. Но достала не карандаш, а «вечную»

ручку и я начал наш разговор с небольшого наставления.

– Не пишите чернилами, – сказал я. – У нас, геологов, все записи ведутся карандашом, простым карандашом. Представьте себе, что вы упали в воду, или промокли, или книжка просто отсырела. Что будет с вашими заметками?

– Хорошо, – послушно согласилась она и достала карандаш.

– Так что же Вы хотели узнать от меня?

– Прежде всего, как получилось, что ваш каюр остался на той стороне?

Для нее это было забавным приключением, занимательным сюжетом, а для меня событием еще полным страха, волнений, тревог и такого напряжения, что я и сейчас еще не мог освободиться от него, хотя все происшествие перешло из области злключений в область приключений. Вопрос ее испортил мне настроение. Я ответил нехотя:

– Очень просто. Мой просчет в организации переброски.

– Какой просчет! – вдруг вступился за меня Илларион Петрович. – Олени шума испугались, тут никакой человек не виноват.

Наташа повернулась к нему.

– Вам, наверное, трудно было там, одному?

– Зачем трудно, – с достоинством ответил Илларион Петрович. – Я отдыхал там...

Но, пораздумав хорошенько, добавил:

– Только плохо отдыхал. Есть совсем не могу, все назад

идет. Табак прислали – хорошо. Чай – совсем хорошо. Чай попил – в глазах сразу светло стало.

– А ночевали Вы в избушке?

– На берегу ночевал. Шалаш сделал. Костер зажег. В избушке все кто-то ходит, стучит, скрипит. На берегу лучше...

Я поднялся намереваясь заняться подготовкой к маршруту.

Она повернулась ко мне.

– Вы уходите?

– Видите ли... – начал я и запнулся, не зная, как к ней обратиться. – Простите, как ваше отчество?

– Зовите меня просто Наташей, – сказала она и вдруг не выдержала. – И не смотрите на меня так. У вас очень тяжелый взгляд.

– Хорошо, – сказал. – Постараюсь. Но сейчас я хотел только вам сказать, что через полчаса мы должны выйти в маршрут, так что если у вас есть вопросы...

– Да, да. Конечно, – поспешила согласиться она. – Если можете, расскажите, что вы здесь ищете?

Каждый раз, когда я сталкивался с необходимостью объяснить, что мы «ищем», я чувствовал, что попадаю в затруднительное положение. Ведь если рассматривать работу геологов в целом, то безусловно коротко ее можно определить как поиски полезных руд. Но, вместе с тем под этим общим определением скрывалась масса всяких специализаций. Одни искали руды непосредственно, другие выясняли общие

закономерности, условия, с которыми связаны месторождения, третьи составляли геологические прогнозы, служили теоретической основой для поисков, хотя сами и не принимали в них непосредственного участия. Вот такой работой и занимался наш отряд. Мы ничего не искали в том смысле, который вкладывала в это слово Наташа. Мы изучали общие закономерности в распределении песков и морен, то есть рыхлых пород, оставленных здесь водными потоками и ледниками в далекие доисторические времена. Это нужно было и для Наминги, но не непосредственно, а косвенно, для решения многих геологических задач, связанных со строительством, т.к. еще Кропоткин писал, что «когда разведочные экспедиции познакомят общество с большей частью Сибири, тогда исследование отдельных областей могут принять более систематический характер, и ученые общества будут знать, куда следует направлять свои силы и средства...».

Пока я все это рассказывал, Наташа что-то записывала, а потом вдруг улыбнулась и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.